

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'232.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-85-99>

Б. А. Ларин как исследователь двуязычной лексикографии эпохи Московской Руси XVI–XVII вв.

Олег Викторович Никитин

*Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия, olnikitin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>*

Аннотация. Анализируется вклад Б. А. Ларина в становление новой лексикографической традиции в отечественной науке, связанной с изучением двуязычных лексиконов эпохи Московской Руси. Комментируются события из истории советской филологии 1930–1940-х гг. Имя Б. А. Ларина вводится в контекст противоречивых явлений в общественной жизни страны и борьбы с «космополитами». Обращается внимание на оригинальность подхода ученого к постановке и решению задачи осмысления и введения в исследовательскую практику уникальных памятников письменности, составленных иностранцами. Отмечается кропотливая работа Б. А. Ларина по расшифровке и лингвистическому комментированию словарных текстов. Подчеркивается, что русско-иностранноязычные разговорники и словари впервые в филологической традиции стали объектом внимания ученых как лингвокультурный феномен, позволивший дать объективные сведения об особенностях обиходной речи разных социальных слоев населения Московской Руси XVI–XVII вв. Говорится о перспективности данного направления и последующих разработок в изучении словарного билингвизма в отечественной и зарубежной науке. Выделяется роль Ларинской школы в деле продолжения историко-лингвистических традиций И. И. Срезневского, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы. Делается вывод об оригинальности идей Б. А. Ларина и их научной ценности в современной лексикографической теории и практике.

Ключевые слова: Б. А. Ларин, Р. Джемс, Г. Лудольф, история языкознания, лексикография, двуязычный словарь, иностранный разговорник, Парижский словарь москвитов, лингвистический эксперимент, языковая личность, филологическая традиция

Для цитирования: Никитин О. В. Б. А. Ларин как исследователь двуязычной лексикографии эпохи Московской Руси XVI–XVII вв. // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 85–99. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-85-99>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

B. A. Larin as researcher in bilingual lexicography of 16th-17th-century Muscovite Rus' epoch

Oleg V. Nikitin

*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, olnikitin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>*

Abstract. The contribution of B. A. Larin to the formation of a new lexicographic tradition in Russian science associated with the study of bilingual lexicons of the epoch of Muscovite Rus' is analyzed. The events from the history of Soviet philology of the 1930s–1940s are commented on. The name of B. A. Larin is introduced into the context of contradictory phenomena in the public life of the country and the struggle against “cosmopolitans”. Attention is drawn to the originality of the scientist's approach to the formulation and solution of the problem of understanding and introducing into research practice unique textual monuments compiled by foreigners. B. A. Larin's painstaking work on deciphering and linguistic commenting of dictionary texts is noted. It is emphasized that for the first time in the philological tradition, Russian-foreign phrasebooks and dictionaries have become the object of attention of scientists as a linguistic and cultural phenomenon, which made it possible to give objective information about the features of everyday speech of different social strata of the population of Muscovite Rus' in the 16th and 17th centuries. It is said about the prospects of this direction and subsequent developments in the study of dictionary bilingualism in domestic and foreign science. The role of the Larin school in the continuation of the historical and linguistic traditions of I. I. Sreznevsky, A. A. Shakhmatov, L. V. Shcherba is highlighted. The papers concludes on the originality of B. A. Larin's ideas and their scientific value in modern lexicographic theory and practice.

Keywords: B. A. Larin, R. James. G. Ludolf, history of linguistics, lexicography, bilingual dictionary, foreign phrase-book, Paris Dictionary of Moscovites, linguistic experiment, linguistic personality, philological tradition

For citation: Nikitin O. V. B. A. Larin as researcher in bilingual lexicography of 16th–17th-century Muscovite Rus' epoch. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2023;84(1):85–99. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-85-99>.

Введение. В филологической традиции XX в. имя Бориса Александровича Ларина (1893–1964) стоит несколько особняком среди других классиков языковедческой науки и прочно связывается с Санкт-Петербургской (Ленинградской) лингвистической школой и ее историзмом как доминантой исследовательского метода. Начало ее деятельности в русле компаративистики положил академик И. И. Срезневский. Усилиями Я. К. Грота, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, а затем и Б. А. Ларина она постепенно превращалась в мощное лингвистическое направление, которое к рубежу XIX–XX вв. вышло за границы традиционного понимания историко-языковедческих проблем (вспомним успешные попытки Я. К. Грота создать нормативный «Словарь русского языка» и его лексикографические штудии по описанию стиля Державина, социолингвистические идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ и его реформаторский подход к Словарю В. И. Даля, интерес Л. В. Щербы к «психическим элементам» речи, к изучению живых славянских говоров и его фонетическую лабораторию и др.). Санкт-Петербургская лингвистическая школа славилась своими экспериментами, новаторскими подходами к изучению и описанию разных сторон языка. Она всегда отличалась высокой филологической культурой и во многом провидческими стремлениями разглядеть будущее науки в XX и даже XXI столетиях.

Б. А. Ларин с ранних лет профессионального общения с петербургскими филологами впитал эту атмосферу творчества и лингвокультурных практик, всегда откликался на нетрафаретные идеи, во многом чувствовал свежее дыхание эпохи, требовавшей от ученых принципиально иных установок и действий (см. подробнее: [Березин 2002]). Так, еще до начала увлечения лексикографией он плодотворно занимался санскритом, славянской диалектологией, историей русского литературного языка [Мокиенко 2019:

905–906]. А в 1920-х гг. увлекся лингвистическим изучением города — собирал материалы для лексикона воровской речи и офенского языка. Есть сведения, что в это время он готовил «Сводный арготический словарь»¹.

Борис Александрович Ларин
Фото 1929 г.

В 1930-е гг. лексикографическая деятельность Б. А. Ларина приобрела уже устойчивый и программный характер. Как ученый секретарь Группы Древнерусского словаря в Институте языка и мышления он занимался организационными обязанностями (вел рабочие дневники, привлекал крупных ученых — П. К. Симони, Б. М. Ляпунова, Вс. И. Срезневского,

¹ РГАЛИ. Ф. 461. Оп. 2. Ед. хр. № 139. Л. 7. РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 461 (Павел Константинович Симони).

готовил редакторов и др.) и составлял проект «Проекта древнерусского словаря» [Ларин 1936]. Л. А. Астахина правильно подметила, что «впервые в русской исторической лексикографии теоретические обоснования предшествовали практической работе над словарем» [Астахина 1996: 114]. Однако это, казалось бы, очень полезное и необходимое для ученых мероприятие по изданию первого исторического словаря русского языка XI–XVII вв. (пробный выпуск 1941 г. охватывал XV–XVIII вв.) так и не было реализовано ввиду сменившейся конъюнктуры в науке и крайне грустных событий в славистике второй половины 1930-х гг.: «...наступил 1937 г., когда двумя приказами в мае и июне были уволены все внештатные выборщики (а их было более 20 человек) в связи с “прекращением финансирования”. Эта формулировка в том же 1937 г. погубила и “Словарь русского языка” Грота-Шахматова: он закончил свое существование на слове *обратность*. Более полугода Б. А. Ларин ходил в Картотеку ДРС один...» [Там же: 114]. В послевоенные годы, несмотря на усилия Б. А. Ларина, работа шла с большими трудностями и в 1952 г. была прекращена, а уникальная картотека оказалась в Москве [Там же: 116]. В. М. Мокиенко сочувственно писал об этой трагедии так: «По приказу бывшего друга Бориса Александровича академика В. В. Виноградова, директора столичного Института русского языка, группа ДРС была расформирована, а картотека перевезена в Москву» [Мокиенко 2019: 906].

Стоит также отметить роль ученого в составлении «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Б. А. Ларин, кроме собственно научной работы, участвовал в громкой дискуссии с марристами 1935 г., отстаивая концепцию и идейный замысел этого словаря (см. подробнее: [Никитин 2012]).

Таким образом, ко второй половине 1930-х гг. Б. А. Ларин имел большой опыт теоретической, собирательской, архивной и практической работы в области лексикографии — как современной, так и исторической. Он искал свой путь в науке и разрабатывал совершенно новую концепцию словаря, в основе которого лежали бы данные разнообразных исторических

памятников [Судаков 2015]. Эта дорога вела его в сторону открытий, какими стали «Русская грамматика» Г. В. Лудольфа (1937), «Парижский словарь москвитов» 1586 г. (1948) и «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса» 1618–1619 гг. (1959)².

Анализ. Двухязычной лексикографией в первой половине XX в. занимались в основном Л. В. Щерба и Б. А. Ларин. Первый разрабатывал методологические основы этой науки (имеется в виду его статья «Опыт общей теории лексикографии», впервые опубликованная в 1940 г. [Щерба 1974], где он выделил тип переводных словарей) и участвовал в составлении «Русско-французского словаря» [Щерба, Матусевич 1936]. Второй избрал иной путь. Б. А. Ларин шел непроторенной и весьма опасной дорогой первопроходца в области иноязычно-русской лексикографии допетровского времени. Об этом предмете тогда можно было с трудом найти какую-либо литературу (см. обзор: [Ларин 2002: 521–526]).

Самый ранний из ларинских трудов по словарному билингвизму — «Русская грамматика» Г. В. Лудольфа, впервые с 1696 г. переизданная с переводом, вступительной статьей и примечаниями ученого (затем в Оксфорде Б. Унбегаун опубликовал еще одно издание [Unbegaun 1959]). Как писал Б. А. Ларин в «Предисловии», «она представляет незаурядный интерес и для лингвиста, и для филолога, и для историка» [Ларин 2002: 511]. По-видимому, он начал работать над ней еще в начале 1930-х гг. В письме Д. Н. Ушакову от 18 марта 1934 г. Б. А. Ларин сообщал: «...меня до “последнего издыхания” торопят всякими делами: 1) я должен сдать свою работу (книгу) “Русская грамматика Г. В. Лудольфа 1696 г.” и еще не сдал ее...»³. Самой увлекательной частью книги, по его мнению, являются «диалоги, пять бытовых и один на тему о религиозных

² В круглых скобках мы указали здесь годы первых изданий указанных работ. Ссылки на них в тексте статьи даются по книге «Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков» [Ларин 2002].

³ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 20. Л. 1. Архив РАН — Архив Российской академии наук (Москва). Ф. 502 (Дмитрий Николаевич Ушаков).

спорах, ханжестве, пристрастии к обрядам. Эти диалоги, в особенности второй, третий и четвертый, представляют памятник во всех отношениях не менее интересный, чем повести или интермедии того времени, памятник одинокий, исключительный по своему жанру. *Ничего подобного* (курсив наш. — О. Н.) ему в нашей письменности не было» [Там же]. Б. А. Ларин обратил внимание на практическое значение «Русской грамматики»: «По этим диалогам читатели книги должны были научиться тому или иному языку...» [Там же: 512]. Кроме прагматической направленности, ученый отметил и другие особенности «разговоров»: их литературную выразительность, реалистичность, точность «в языковой характеристике участников диалога», богатство в детализации нравов и обычаев. Он поднял стандартный жанр письменной литературы чутили не на пьедестал художественных текстов, признавая между прочим, что утилитарная функция издания как учебной книги в первую очередь мешала более широкому распространению, поэтому «Русская грамматика» стояла «целиком вне общего литературного процесса» [Там же]. Тем не менее Б. А. Ларин не скрывал своего «общественного темперамента», называя этот памятник источником «первостепенной важности по истории языка, культуры, быта» вместе с литературными произведениями и историческими документами [Там же].

Мы не будем касаться обзора теоретической части книги, скажем только, что ее справедливо называли первой *научной* грамматикой русского языка, и что показательно, составленной иностранцем. Хотя, как полагал Б. А. Ларин, «в Россию попало немало экземпляров этой книги... здесь она не была понята и признана, так как шла вразрез с господствовавшими до самого последнего времени тенденциями и теориями» [Там же]. Именно по этой причине языковеды дореволюционной России не занимались исследованиями текста и не привлекали его в своих трудах по исторической грамматике и лексикографии. Фактически памятник пролежал мертвым грузом со времени издания (1696 г.) до 1930-х гг. Из дореволюционной литературы по языкознанию Б. А. Ларин выделил С. К. Булича, который назвал Г. В. Лудольфа «первым ученым, отличавшим великорусский язык от

церковнославянского и обратившим внимание на их разницу в написанной им первой грамматике живого великорусского языка» (цит. по изд.: [Ларин 2002: 523]).

Каковы вкратце достижения Б. А. Ларина в этой области? Прежде всего, он открыл нам оригинального филолога Генриха Вильгельма Лудольфа (1655–1712), по-русски «Андрюшка Виллиемка» [Хольгер 2019: 885], написал о нем интересный очерк, где систематизировал не только биографические сведения, но и дал анализ его языковой личности, включил имя англо-немецкого лингвиста в культурную традицию эпохи, указал на его сношения с князем Б. А. Голицыным, патриархом Андрианом, сановниками разного социального и духовного положения, отметил по «разговорам» маршрут его путешествия по Москве и мн. др.

Б. А. Ларин выделил наиболее оригинальные с историко-лингвистической точки зрения фрагменты книги. К ним он отнес фразеологию и описание природных богатств и населения России. В то же время и грамматическая часть не была, по мнению ученого, пустым слепком с «Граматики» Мелетия Смотрицкого, как считал академик И. И. Давыдов: «...от греко-латинской схемы Лудольф ушел... дальше, чем Смотрицкий, показав этим большую лингвистическую одаренность и образованность» [Ларин 2002: 526]. Б. А. Ларин высоко оценил иностранца: «В своих записях Лудольф выказал тонкий слух и емкую память, а в системе изложения грамматики — самостоятельность и смелость» [Там же].

Еще один важный момент прояснил Б. А. Ларин: он заметил, что в оксфордском издании 1696 г. было немало опечаток. Данное обстоятельство дало повод исследователям игнорировать «Русскую грамматику» из-за ее якобы безграмотности. Вот как об этом говорил Б. А. Ларин: «Книгу Лудольфа печатали люди, настолько же осведомленные в русском языке, как наборщики ленинградского “Печатного Двора” в абиссинском или чукотском языке» [Там же: 528].

Б. А. Ларин встает на сторону Г. В. Лудольфа и в вопросе о «компилативном» характере грамматики: «Есть ли основания утверждать, что книга Лудольфа возникла не в результате наблюдений и записей живого языка (как я думаю),

а путем кабинетного перевода латинских или немецких фраз на русский язык? Нет. Это опровергается целым рядом доказательных доводов» [Там же: 529]. Среди них ученый привел «исключительность» Лудольфа как полиглота (тем более что грамматика была написана на латинском языке), который мог общаться и по-немецки в Немецкой слободе, писать по-итальянски и т. д. Так что подобные искусственные вкрапления в текст Б. А. Ларин не отрицал. Но «обмануть» фонетику разговорного русского языка, которую Г. В. Лудольф передал очень тонко, почти невозможно. Иностранцу, конечно же, по мнению Б. А. Ларина, были свойственны неточности, например он не всегда улавливал палатализацию звуков на конце слов — *путъ, честь, власть*, но *milost, kost, koren* и т. п., что объяснялось производительными деталями, не свойственными английскому или немецкому произношению [Там же: 530]. Б. А. Ларин привел любопытный пример, подтверждавший корректность передачи слов Г. В. Лудольфом даже в таких сложных языковых ситуациях, когда он общался с иностранцами: *Vog u nas niet*. Ученый так это прокомментировал: «Лудольф точно записал ответ, уловив даже деформацию, “акцент” татарина!» [Там же: 532].

Б. А. Ларин отвечает и на один из самых главных вопросов: «Что может дать материал Лудольфа для истории русского языка?» Самым ценным являются *диалоги* как источники живой фразеологии и разговорных диалектов времени Московской Руси, дающие представление и о социальных типах речи. Например, о принадлежности к низкой прослойке купечества, по наблюдениям Б. А. Ларина, свидетельствуют такие фразы: *Выбираи товарищи которые не склонение къ питію или къ праздности; Изъ агленской земли привозять сукно; Онъ гораздо богатъ; Почта пришла и грамотки я не досталъ; Изволишь чарку вотки?; Луче дурачествовать неже красть* и т. д. [Там же: 537–538].

Другая черта фразеологии «разговоров» Г. В. Лудольфа, подмеченная Б. А. Лариным, заключалась в том, что в них отсутствовали аорист и имперфект, формы двойственного числа. Отдельные отрывки прямо скопированы с речи челяди, например: *Ты*

меня двора послалъ, не могу два дѣла вдругъ здѣлать; Я бежалъ быть то бешенна собака; Въ передъ ленивъ не буду [Там же: 538].

Наконец, еще одна любопытная особенность языка Московской Руси XVII в., на которую обратил ученый, состояла в богатстве синонимических рядов «лексических альтернантов»: *дивлюся и дивуся; скудость и убожество; благодарю и челомъ бью* и т. д. [Там же: 539]. В связи с этим он обоснованно говорил о необходимости изучать территориальные диалекты и границы социального распространения слова.

Приложенные к «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа «разговоры» и их лингвистическое комментирование стали открытием в филологической науке, показали богатство речевых форм простонародного языка, неравномерность славяно-русского субстрата, его насыщенность и церковнославянскими элементами (в определенных ситуациях), и бытовой лексикой, и просторечием, и диалектизмами. Впервые в нашей языковедческой традиции был поставлен вопрос о привлечении таких источников для создания полного исторического словаря русского языка и лингвистического атласа. Исследование «Русской грамматики» и в XXI в. выглядит актуально как образец своего рода лингвистической дипломатии — диалога культур, о котором писал Б. Хольгер, отметивший вклад Г. В. Лудольфа в расширение круга говорящих по-русски [Хольгер 2019: 882–883].

«Парижский словарь москвитов» (далее — ПСМ) 1586 г. Б. А. Ларин посвятил памяти учителя Л. В. Щербы. Эта книга составила вторую часть диссертации ученого. Если над текстом «Русской грамматики» Г. В. Лудольфа он работал, используя первую публикацию 1696 г., то в этом случае Б. А. Ларин «стремился к абсолютной точности издания» и воспроизводил его по фотокопии рукописи Парижской национальной библиотеки, присланной А. Мазоном [Ларин 2002: 61]. Ценность использования в филологической работе этого источника заключается в том, что Б. А. Ларин, кроме текста словаря и подробных комментариев к нему, снабдил свое издание обстоятельным историко-культурным и лингвистическим очерком, где произвел тщательный анализ текста памятника и рассмотрел особенности его языка на

разных уровнях (фонетическом, грамматическом и лексическом). Б. А. Ларин показал себя не только мастером палеографического обследования, но и поделился с читателями живой поисковой информацией о ПСМ: рассказал о том, кто мог быть его автором и осведомителем, как проник в язык холмогорско-архангельский диалект. Ученый сделал колоссальную работу по восстановлению текста, исправлению ошибок, о чем он подробно сообщал во вступительной части [Там же: 27–29]. Содержательные наблюдения Б. А. Ларина о приемах записи русской речи, которые он открыл таким смелым для 1940-х гг. абзацем: «Скептически настроенные историки русского языка склонны преувеличивать неточность, неясность и недостоверность записей русского языка иностранцами. Я отвергаю этот бесплодный и ограниченный скептицизм...» [Там же: 29].

Размышляя об особенностях передачи русских звуков, Б. А. Ларин утверждал не без основания, что «в подавляющем большинстве случаев средства французской орфографии были совершенно достаточны для записи русской речи. Но, встречаясь с такими звуковыми элементами, для которых не оказывалось никакого соответствия во французском языке, составители словаря обращались к знакомым им системам: английской и немецкой. Они многократно применяли английское **th**, быть может, для показания альвеолярного и более слабого, чем во французском, затвора при т. Для русского **ч** тоже пригодилось английское употребление **ch** [Там же: 31]. Подобное разнообразие передачи звуков на письме, по мнению Б. А. Ларина, «иногда... ставит нас перед исключительными трудностями интерпретации записей Московского словаря». Так, он приводил графему **ch**, которая в ПСМ могла обозначать **ш**, **ч**, **с'**, **с**, **х**, **к**, **ж** [Там же]. Эти же сложности возникали при передаче русского [x], чуждого языку составителей [Там же: 32]. Можно только порадоваться лингвистической пунктуальности и феноменальному чутью Б. А. Ларина распознавать знаки французского языка XVI столетия, а главное — умению проникнуть в филологическую ментальность тех, кто его создавал. Например, об интерпретации слова *месяц* он писал так: «Что касается слова *месяць* (*myessesem*

578), то и тут я предпочитаю полное произношение с выделенным подчеркнутым окончанием, а в небрежном стиле это слово записано было ниже 610: *myessa*. Вот такое неполное восприятие слова в быстром произношении, очевидно, и вызвало реакцию осведомителя, услышавшего, как француз, повторяя за ним, недоговаривает окончание слова» [Там же: 35]. Поэтому ясно, какой «первозданный» материал предстал перед ученым: в нем были обнаружены многочисленные отклонения, недослышки и ошибки, варианты написаний и т. д. Б. А. Ларин хорошо понимал сложности своей работы над текстом: «Грубое сырье, какое представляют из себя записи французских купцов капитана Соважа в сохранившихся искаженных копиях, мы перерабатываем в драгоценный металл, в научно-достоверное изображение русской речи XVI в.» [Там же: 37].

Произведенный автором анализ фонетических черт ПСМ подвел его к мысли о том, что «записи были сделаны в Холмогорах или Архангельске. В них отчетливо отражен основной старохолмогорский говор...» [Там же: 46]. Между тем в тексте были зафиксированы и южнорусские элементы со спирантом *z*: *bacharetz* = *бахарец*, *aspondare* = *аспударь*, *aspoudarenia* = *господарыня* и др. [Там же: 45]. Показательно в этой связи, что слово *государь* «рано вошло в состав титула, и потому никакой грамотей не смел написать его согласно произношению под страхом жестокого наказания. Мы встречаем написание *осударь* только в XVII в., и то не в применении к царям, а... в фольклоре... наш источник явно передает окраинно-провинциальное произношение, притом просторечное, основанное на старом московском» [Там же].

Замечательны наблюдения Б. А. Ларина о том, что только благодаря фразеологии в тексте (*что ни буди*; *я челом бью* и пр.) можно оценить историческую грамматику, ведь ПСМ не имел никаких помет и морфологических характеристик — он представлял собой в оригинале две колонки слов — французских и русских [Там же: 47].

Гораздо богаче в нем была отражена лексика, причем многие слова не были зафиксированы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и картотеке: «...не менее 12 % слов нашего

источника документируются им для XVI в. впервые. Эти 12 % слов с большой уверенностью можно отнести к дифференциальному лексическому запасу разговорного языка XVI в.» [Там же: 56]. Новым в описании стала социологическая характеристика. По мнению ученого, она дает возможность построить подлинно научную историю русского языка. На основе изучения ПСМ Б. А. Ларин пришел к выводу о том, что речевой материал «был достоянием севернорусского городского общего разговорного языка» [Там же: 57]. По тематическому составу первое место, как подсчитал ученый, заняла торговая номенклатура, менее широко представлена военная лексика, намного беднее — церковная [Там же: 57–58]. Б. А. Ларин разбирает также семантические характеристики слов.

Самым глубоким образом ученый отнесся к комментированию ПСМ: статьи, посвященные оборотам речи или отдельным словам, превратились в почти энциклопедические исследования по исторической лексикологии со ссылками на словари, опубликованные источники делового содержания, литературные тексты. Например, Б. А. Ларин указывал, что лексема *птьсельник* отсутствовала в старом литературном языке и не была зафиксирована в других источниках. Но достоверность ее записи в ПСМ «подтверждается современным фольклором и диалектами» [Там же: 102]. А слово *капон*, по его свидетельству, «нигде не зафиксировано», кроме ПСМ [Там же: 114]. По мнению Г. В. Судакова, наиболее интересны в комментариях лексикологические этюды по истории названий посуды (*фляга* — *фляжка*, *решетка*, *уполовник* и мн. др.), предметов гигиены (*утиральник*, *рукомойник*), постельных принадлежностей (*пастеля*, *наволока*), которые впервые стали предметом анализа, игр (*карты*, *зернь*, *тавлеи*) [Судаков 2015: 96]. Он же обратил внимание и на то, что «речевой этикет в Словаре московитов расписан подробно и учитывает разные ситуации общения» [Там же].

Небольшой забытый французский словарь конца XVI в. под пером Б. А. Ларина превратился в объемное исследование культурных традиций и *живого* языка Московской Руси — того периода,

о котором мы не имели достоверных сведений (особенно в области бытования территориальных и социальных диалектов, посадского языка, просторечия) до этого открытия.

В третьем разговорнике, выпущенном под названием «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса» (1618–1619 гг.), Б. А. Ларин продолжил исследования по изучению источников разговорной речи Московской Руси. Ученый посвятил его памяти знатока древностей П. К. Симони. И в этой работе Б. А. Ларин был непреклонен в своем стремлении доказать исключительную ценность словарей-разговорников Московской Руси для лингвистической науки. В «Предисловии» он говорил: «Я глубоко убежден в большой важности языковых данных, содержащихся в записках Ричарда Джемса, и для истории русского языка, и для истории английского языкознания. Этот источник по праву займет достойное место среди немногих памятников XVII в., широко и относительно точно отражающих разговорный язык Московской Руси» [Ларин 2002: 177].

Здесь, как нам кажется, источниковедческий и лингвистический азарт расшифровать старинные письма как будто соревновался в очередном филологическом состязании Б. А. Ларина со временем, в котором было немало нераскрытых тайн. К достоинствам «Словаря-дневника» ученый относил такие свойства: оригинальность текста (это был автограф), подлинность записанных англичанином фраз, точная датировка и указание на место записей. Интересно и то, как Р. Джемс вел свой дневник: вначале шли изолированные слова и выражения с однословным переводом или без него, а далее автор помещал пространственные комментарии к отдельным лексемам. Изменился и характер его лингвистических наблюдений: «от предметных обозначений Джемс переходит к записи разговорных формул, услышанных реплик (“это диковина”, “не бесчести”, “скажи скаска”, “скоро ты помчелси” и т. д.)» [Там же: 178]. Б. А. Ларин подчеркивал важность исправлений в тексте, которые вносил Р. Джемс. Как правило, они уточняли фонетический облик слова [Там же]. Большую ценность, как считал ученый, имели разные стили произношения и стили речи,

представленные в рукописи: высокий, который был свойствен воеводам, дьякам, священникам, и просторечный — купцам, стрельцам, слугам и хозяевам. В изученном материале к высокому стилю разговорной речи (так у Б. А. Ларина) относятся слова *печальник, корьмишник, Бог, судит, разум, владыка, храм, чадо* и др., а просторечные слова «составляют 9/10 записей Р. Джемса: *восток, кѣрабельщик, чорт, бес, розбить, роздавал...*» [Там же: 199].

В «Комментариях» к тексту ученый поместил содержательные экскурсы в названия бытовых предметов, животных, рыб, говорил об особенностях произношения и толкования, приводил свидетельства известных словарей и данные говором, указывал на возможную датировку, даже спорил с Р. Джемсом. Так, например, «объяснение слова *скоморох*, как ‘музыкант (скрипач)’ идет вразрез с правительственным (церковным) гонением на скоморохов. Это указывает на Север и на среду людей, не опасавшихся властей в своих суждениях» [Там же: 314]. Разгадывая выражение *зачипни свеча* (вм. *зачипни свеча?*), он писал, что это «забытая формула, она вышла из обихода вместе с лучиной и свечным освещением» [Там же: 325]. А слово *заворотимся*, по мнению Б. А. Ларина, «объяснено Р. Д. неправильно» [Там же: 356]. Можно сказать, что эти комментарии уже сами стали памятником филологической мысли.

Другая важная информация, которую донес до научного сообщества Б. А. Ларин, заключалась в том, что он впервые подробно описал данные о старохоломогорском говоре (частично этот вопрос уже затрагивался в «Парижском словаре москвитов»). Удивительно то, что эти сведения ученый извлек из *инострannого* материала, в точности отразившего народный говор тех мест, например такие явления, как переход *я* в *е* под ударением (*peitnitza, mech, govedina*) в безударном положении (*они любят, тежол, десеть*), переход *о* в *у* (*robaska, bomaga, koteau*). Б. А. Ларин отмечает особенность передачи на письме звучащей речи: «В нескольких случаях даже русское ударяемое *у* он передает посредством английского *o*: *izemrode, podproge..., ogullha*. В последнем случае соседний безударный *о* был воспринят как более

высокий, чем ударяемый *у*, что для данного диалекта не представляется вероятным» [Там же: 200]. Б. А. Ларин подчеркивал, что переход *е* в *о* дает ценный материал и для характеристики старохоломогорского говора [Там же: 202–203]. В записях Р. Джемса широко отражены рефлексы старого ятя. Б. А. Ларин обнаружил три основных вида живого *ть* в смешанных говорах Холмогор–Архангельска: 1) *ть* как *и* (*snigom, pollina, ripah, switcha*), 2) написание *е* на месте *ть* (*obedni, grex, deuka, reka, sedlo*), 3) написание *ea* на месте *ть* ученый назвал «самым трудным для чтения и расшифровки» (*veashna, винця = вѣнца, podveaske*) [Там же: 200–201]. И в других параграфах этой части содержатся подробнейшие описания фонетических особенностей, например анализируются мена звонких и глухих, рефлексы *щ*, свистящие, шипящие и шепелявые звуки и т. д. Кроме того, Б. А. Ларин обнаружил в текстах экзотические явления, проникшие из языков северных народов: *нѣт* — божество (из ненецкого языка), *poi* — камень (из карельского языка) и т. п., которые могли быть «перенесены и московскими купцами» [Там же: 198]. Такое подробное обследование фонетики живой речи, а точнее — ее грамотная реконструкция, позволили Б. А. Ларину утверждать, что словарные записи Р. Джемса обогатили русскую диалектологию свежими данными. Но важнее всего было прояснение генеалогии этого говора, который эволюционировал, как полагал ученый, «путем скрещения новгородского диалекта с туземными северными языками», а на процесс его обогащения и развития повлияли среднерусские и — в меньшей мере — южнорусские колонизационные миграции [Там же: 208]. Такой вывод можно было сделать только при наличии вновь открытых фактов, извлеченных из иностранного источника.

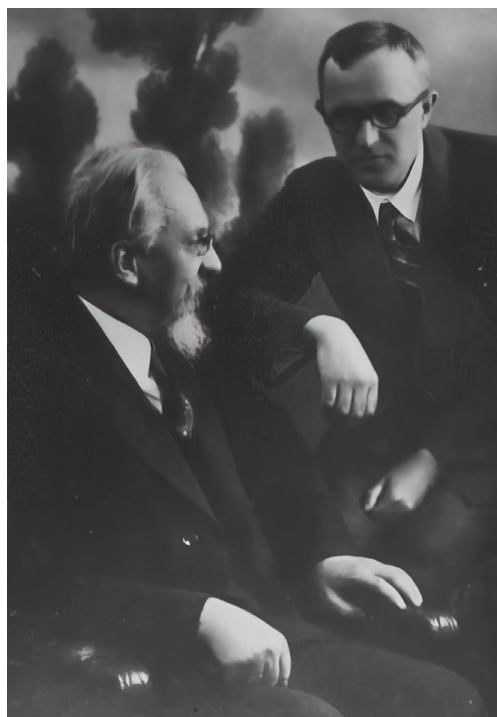
Наконец, обратим внимание на состав словаря-дневника, который отличался от обычных лексиконов и разговорников обилием диалектизмов, местных выражений и пространными объяснениями русских обычаев, что делает его исключительно ценным по этнокультурной ценности материалом. Из него читатель узнавал, кто такие *лопарь*, что значило *беззаконие*, чем занимался *трапезарь* («служитель, который

подметает, а зимой топит в церкви печи»), когда можно услышать *зык* (эхо), как называли люди разорение и сожжение Москвы (*розоринье*), стоит ли бояться *сушедка* («что-то вроде веселого чертенка, навещающего в дома русских»), что делали в *кабаке* («играют в кости и в карты, а также место, где казаки и стрельцы продают свою законную добычу...»), как подзывали петуха или курицу (*хут, хут ~ куть! куть!*). Там же мы находим любопытные пословицы, устойчивые выражения типа *Христос воскрес — Микула выручай; гуси-крестьяни; стучики-попы; лебеди-дворяни; жэравли-разбойники; виши-попады* и мн. др. О. С. Мжельская, занимавшаяся изучением этих текстов, пришла к выводу о том, что «точность наблюдений Р. Джемса подтверждают словари, составленные много позже» [Мжельская 2003: 155].

Мне не раз приходилось студентам давать задание отгадать слова из этого источника, попробовать себя в качестве последователя Б. А. Ларина, научиться чувствовать природные интонации живой речи сквозь иноязычный голос Р. Джемса. Колоритен такой пример: *χολashnoboι = кулашно<й> бой*, иллюстрирующий одну русскую забаву, которую мы знаем под именем *кулачного боя*. Вот как его описывал автор Р. Джемс (в русском переводе): «В некоторые дни, как, например, 24 октября, когда мы там были, — в те дни, которые, как говорят, угодны молодежи, выступающей по своим приходам и за честь своих церквей, а то и для испытания сил, — сходятся все, кто помоложе, впрочем, даже бородачи, и так действуют кулаками, что иногда от этого побоища одни умирают впоследствии, а другие оказываются убитыми на месте, притом безо всякой злобы и ненависти. Те, что недавно изо всей силы изувечивали друг друга кулаками, пинками, зубами, изукрашили синяками, через несколько дней, встречаясь, дружески здороваются» [Ларин 2002: 254]. Отмеченное слово, под данным О. С. Мжельской, стало более ранней фиксацией, чем оно было зафиксировано в историческом лексиконе (под 1649 годом) [Мжельская 2003: 155]. Можно только догадываться, какие чувства испытывал Б. А. Ларин, когда день за днем открывал для себя это сокровище словесных наук.

«Словарь-дневник» Р. Джемса пополнил копилку иностранных источников

по истории русского языка Московской Руси — вдохнул живую стихию народной речи, которая после ее расшифровки Б. А. Лариным показала необычайно богатый, эмоциональный речевой фон, расширил жанровые границы памятников XVII в. Поражает не только насыщенность текста природным компонентом, но и метафоричность записанных Р. Джемсом выражений, его наблюдательность, искренний человеческий интерес к чуждым для него обрядам и явлениям народной культуры. Не будет преувеличением заметить, что этот материал оказался настолько впечатляющим с точки зрения энциклопедических знаний о той эпохе, что ждал точно такого же исследователя, впервые так масштабно заявившего о новом направлении в изучении языка — двуязычной исторической лексикографии. Уже в XXI в. работа по изучению русско-иностранных словарей, в том числе и созданных на поморском Севере, продолжается с опорой на пионерские труды Б. А. Ларина (см.: [Епимахова, Поликарпов 2018]).

Учитель и ученик: Л. В. Щерба и Б. А. Ларин.
Фото 1930-х гг.

Отмеченные нами памятники письменности эпохи Московской Руси XVI—XVII вв., филигранно описанные источниковедчески, переведенные на русский язык и впервые в науке проанализированные с лингвистической точки зрения, стали предметом научного исследования Б. А. Ларина и темой его докторской диссертации, которую он защитил в 1947 г. в сложное время борьбы с «космополитами». Позднее ученый был подвергнут жесткой, несправедливой критике со стороны марристов. Заметим попутно, что оппонентами Б. А. Ларина были крупные лингвисты: Г. О. Винокур, Н. П. Гринкова и М. П. Алексеев [Ларин 2002: 23]. На заседании Ученого совета Института языка и мышления АН СССР и ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, проходившего 28–29 июня 1949 г., прозвучали совсем не лестные выступления коллег по лингвистическому цеху. Так, Е. А. Бокарев отметил «антипатриотический характер» и «преклонение проф. Б. А. Ларина перед сомнительными в научном отношении свидетельствами иностранцев о русском языке прошлого» (цит. по изд.: Астахина 2021: 237). Ф. П. Филин говорил об ошибках «космополитического характера» в отдельных работах Б. А. Ларина, «в которых он преувеличивал роль иностранных источников». В стенограмме сохранился ответ Ф. П. Филину, в котором тот задает риторический вопрос своему оппоненту: «...нужно ли, законно ли, можно ли пользоваться иностранными источниками, представляют ли они ценность? Едва ли для серьезного ученого, а не для какого-нибудь шарлатана или клеветника, представляет какие-нибудь сомнения вопрос о ценности и важности иностранных источников» [Там же: 238]. Далее Б. А. Ларин апеллирует к Н. Я. Марру и его опыту научной работы: «В отличие от своих предшественников Марр указал, что Геродот является источником не сомнительным, не лживым, не баснословным, не вздорным, а достоверным источником огромной важности. И другие работы... — легенда о Киеве и армянская легенда, статья, посвященная хазарским источникам и т. д., основаны на широчайшем привлечении... значительного круга иностранных источников» [Там же]. Чтобы

понять, насколько серьезной была дискуссия, выходящая далеко за пределы научной этики, приведем еще один фрагмент из выступления Б. А. Ларина, прямо указавшего Ф. П. Филину и его приспешникам, какую цель они преследуют: «Но есть еще смысл, который, по-видимому, имеет в виду инициатор этой квалификации, когда говорит о сомнительной репутации человека, о сомнительном душе вокруг какого-нибудь происшествия. Этот смысл я категорически отрицаю, — сомнительного в смысле недоброкачественности, вредоносности и т. д. ничего нет в этих источниках» [Там же: 239]. Развивая тезис оппонентов о «преувеличении ценности» таких материалов, Б. А. Ларин свидетельствовал: «...не то, что мне приписывается — что все русские источники ничего не стоят по сравнению с иностранными... Я утверждаю, что для истории разговорного языка, которая у нас еще не писана и не начата, русские источники дают чрезвычайно мало» [Там же: 240].

Такова была общественная атмосфера лингвистических дискуссий в конце 1940-х гг. Она не щадила даже увенчанных академическими лаврами ученых (вспомним судьбу В. В. Виноградова, снятого с должности декана филологического факультета МГУ; десятки заклеяменных литературоведов). Но ларинский голос в такой непростой ситуации звучал ясно и твердо. Судя по стенограмме, ученый признал «неудачные, неточные, неряшливые формулировки» [Там же], из которых недоброжелатели попытались соорудить непреходимый часток ошибок и вписать его личность в число новых «врагов народа». В конце выступления Б. А. Ларин говорил о «чрезвычайном отставании разработки русского языка» и необходимости продолжать теоретическое «осмысление методики исторической лексикографии», о своем проекте древнерусского словаря, вместо которого «предполагается делать какие-то дополнения к Срезневскому в самом ветхозаветном духе (в чем я, конечно, участвовать не буду)... в этом тоже есть моя доля вины, и серьезной вины». Но отсутствие помощи со стороны «сторонников нового учения о языке» привело к тому, что «и на него (Ф. П. Филина. — О. Н.) ляжет тяжелая ответственность за то, что исторический

словарь, который мог бы быть большим достижением русской науки, превратился в позор...» [Там же: 241–242].

Эта дискуссия показывает, насколько противоречивой была обстановка внутри филологического сообщества, то и дело подогреваемого очередными заметками «писателей» в прессе. Б. А. Ларин, как мы видим из представленного обзора, последовательно отстаивал *научные* принципы организации лингвистической работы. Сильная, энергичная натура мыслителя, заряженного на высокие идеи, подобно его учителям и соратникам И. А. Бодуэну де Куртенэ и Л. В. Щербе, тяготилась царившим в ученых кругах социологизаторством и давлением партийной элиты. Его заключительная книга из триады иностранных источников, включенных в докторскую диссертацию, — «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса», — была издана только в 1959 г., скорее всего, по причине пресловутой «сомнительности» открытий, высказанных в ней, и смелости автора, который шел вразрез с общественным мнением. Но подлость тех, кто

пытался притормозить работу «самого образованного лингвиста нашего времени» (Д. С. Лихачев), не увенчалась успехом. Жизнь Б. А. Ларина в конце 1940-х висела на волоске. И все же нельзя было и тогда не признать огромной работы ученого по становлению гуманитарной науки, его включенности во многие проекты 1920–1940-х гг., носившие подлинно просветительский характер (ко времени этой дискуссии он уже был избран членом-корреспондентом АН Украинской ССР, а в 1949 г. стал академиком АН Литовской ССР). Даже находясь в крайне стесненных условиях, он не терял присутствия духа, оставаясь всегда, как и его учитель Л. В. Щерба, «рыцарем правды». В этом заключается большое достоинство настоящего ученого, к которому стоит отнести ставшие хрестоматийными слова великого Гумбольдта: «Самое первое и самое главное в жизни — это стараться владеть самим собою».

Размышляя о филологии будущего (так называлась его статья начала 1960-х гг.), Б. А. Ларин почти провидчески писал, что «многое будет не так, как мы представляем сегодня» — важно «каждому понять свое место, свой долг...» (цит. по изд.: [Ларин 2003: 716]).

Выводы. Работа Б. А. Ларина по изучению двуязычных словарей составляет эпоху в отечественной филологии. Обнародованные им источники иностранцев сделали прорыв в культурно-исторической нише: ученые впервые стараниями Б. А. Ларина услышали живую речь русских людей XVI–XVII вв., узнали об их интересах, бытовом поведении, религиозных обычаях не из летописей и богослужебных книг, а из фрагментов «разговоров», просторечных и диалектных вкраплений в их речь, увидели богатство внутреннего мира и словесные привычки наших предков, сохранившиеся практически в первозданном виде под пером талантливых путешественников, врачей и дипломатов, изучавших обиходный русский язык. Никто раньше не поднимал эту проблему так широко, как это сделал Б. А. Ларин, и не отстаивал свои принципы вопреки конъюнктуре так честно и бескомпромиссно, как он. По сути, ученый подсказал будущим поколениям филологов не одно, а несколько направлений современных диахронических исследований в лингвистике: 1) изучение

Борис Александрович Ларин
Фото конца 1950-х — начала 1960-х гг.

обиходно-разговорной речи (посадского языка, по Б. А. Ларину) с привлечением новых источников⁴; 2) исследование культурного фонда языка XVI–XVII вв.; 3) анализ языковых личностей авторов словарей и их письменных свидетельств с точки зрения социалингвистических характеристик; 4) определение статуса «простого» языка и его роли в системе разговорных жанров; 5) уточнение границ понятия *билингвизм* в Московской Руси.

Уже после пионерских работ Б. А. Ларина по большей части в Западной Европе оживился интерес к двуязычным и многоязычным лексиконам. По наблюдениям В. М. Мокиенко, словарные открытия ученого вдохновили «его последователей на разыскание, издание и изучение других подобных памятников. Роман Якобсон, который прямо ссылался на стимулирующее влияние примера Б. А. Ларина, опубликовал в Копенгагене двухтомник купца Тонниеса Фенне, в котором представлены записи живой народной речи псковичей начала XVII в.» [Мокиенко 2019: 911]. Позднее изучены и опубликованы «Тронекийский разговорник» XVII в. и другие лексиконы [Там же]. По крайней мере, за последние 30 лет были расшифрованы и изданы еще несколько оригинальных словарей в духе ларинских открытий. Самыми объемными из них были: «Lexicon slavo-ruthenicum», изданный под редакцией Адама Фаловского [Lexicon 2013], Mark Ridley's «A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue» [Stone 1996], отразивший лексику конца XVI столетия, и «Lexicon Slavonicum» [Sparwenfeld 1987–1992] Ю. Г. Спарвенфельда — монументальный четырехтомный славяно-латинский словарь (см.: [Биргегорд 2013]). Это подтверждает актуальность идей Б. А. Ларина по расширению источников изучения Московской Руси и необходимость их введения в современные словарные проекты и историко-лингвистические исследования. Одно из них,

книга ученицы Б. А. Ларина О. С. Мжельской «Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка)» [Мжельская 2003], стало удачным продолжением лингвистической миссии Бориса Александровича по анализу русско-иностранных разговорников и дневниковых записей европейцев как источников по изучению общественных отношений, экономики, культуры и социалектов Московской Руси.

Лексикографическая эпопея Б. А. Ларина не ограничилась названными материалами, хотя открытие и изучение этих редких текстов уже вписало его имя в пантеон выдающихся филологов. Он много сделал для подготовки к изданию «Псковского областного словаря» [Ларин 1961; Костючук 2021a, 2021b], занимался изучением разговорного языка Московской Руси и авторской писательской лексикографией, не теряя надежды, что его детище — древнерусский словарь — будет восстановлено в правах после неприятной истории о переводе картотеки в Москву [Ларин 1993]. И это действительно случилось: задуманный Учителем и реализуемый его последователями, ларинцами, лексикон под названием «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (2004–2020; в настоящее время вышло девять выпусков) убеждает лексикографов XXI в. в правильности концепции Б. А. Ларина, своевременности выделения в культурно-языковой традиции именно этой эпохи и необходимости включения в число источников по истории русского литературного языка русско-иноязычных лексиконов как подлинных свидетельств жизни слова Московской Руси [Васильева, Генералова 2015].

Подвиг Б. А. Ларина, сумевшего вопреки господствовавшим течениям в филологической науке того времени, косым взглядам коллег и откровенной травле изучить интереснейшие памятники словесной культуры XVI–XVII вв. и сделать их доступными широкой филологической аудитории, обратить внимание ученых на актуальность русско-иноязычных лексиконов, разговорников и грамматик, стал своего рода камертоном для последующих поколений исследователей словарного дела. Его

⁴ Ср. высказывание Б. А. Ларина: «Драгоценны для нас свидетельства иностранцев о разговорном языке, т. к. он почти не отражен в древнерусской письменности, прежде всего в силу постоянного осознанного противопоставления книжного языка, осененного высоким авторитетом религии, мирскому просторечию» (цит. по изд.: [Астахина 2021: 239–240]).

необычные лексикографические эксперименты, исключительная преданность научным принципам, живость филологического мышления, глубокие знания и вера в торжество идей настоящей лингвистики подпитывают и современные идеи региональной исторической лексикографии, помогают правильно выстроить новые концепции диахронических словарей и совершенствовать уже имеющиеся (см., например, работу по упорядочению статей и источниковедческой базы «Словаря русского языка XI–XVII вв.»). В то же время перспективным становится изучение словарей-разговорников как особого жанра и «носителей культурно-исторической информации» с типологической и социолингвистической сторон, а также анализ соответствия фиксируемых в таких источниках «разговорных единиц реальным коммуникативным ситуациям»⁵. Таким образом, идеи Б. А. Ларина оказались снова в центре дискуссий XXI в.

В отечественной науке есть имена ученых, чьи идеи уже давно вышли за порог одного времени и живут вместе с нами сейчас, как будто они являются нашими современниками. Земной облик Бориса Александровича Ларина, человека «редкой души и благородства», мудрого и прозорливого, порой неукротимого и «огнепального», как Аввакум, с кипучей энергией и любовью (Ф. Абрамов), как бы физически он ни был от нас далек, неотделим от того божественного вдохновения, которое испытываешь каждый раз, когда читаешь его работы. Они – живые, как и их автор с «общественным темпераментом» (Д. С. Лихачев), бродивший от прибалтийских холмов до аввакумовского Пустозёрска и псковских лесов со своим блокнотиком и подмечавший каждый раз то редкое, сокровенное, красивое и необычное в языке, что надо сохранить для истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахина Л. Ю. Древнерусская рукописная картотека XI–XVII вв. // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 112–119.

⁵ Левченко Г. А. Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2007. С. 23–24.

2. Астахина Л. Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 492 с.

3. Березин Ф. М. Борис Александрович Ларин // Отечественные лингвисты XX века: сб. статей. Ч. 1 (А–Л) / редколл.: Ф. М. Березин (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 232–254.

4. Биргегорд У. Русская лексикография в Швеции // Славянская лексикография: международная коллективная монография / отв. ред. М. И. Чернышева. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. С. 667–676.

5. Васильева О. В., Генералова Е. В. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.: реализация ларинских принципов на современном этапе развития лексикографии // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014 год / отв. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Геликон-Плюс, 2015. С. 124–139.

6. Епимахова А. С., Поликарпов А. М. Лексикографический опыт через века: сопоставительный анализ трех переводных словарей, созданных на поморском Севере // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 4. С. 5–19.

7. Костючук Л. Я. «Псковский областной словарь с историческими данными» в аспекте традиций и новаторства лексикографии // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 3. С. 54–59. <https://doi.org/10.18101/2686-7095-2021-3-54-59> [Костючук 2021a].

8. Костючук Л. А. 60 лет Межкафедральному словарному кабинету имени проф. Б. А. Ларина (их значение в научной жизни и псковской кафедре) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 12. С. 84–91 [Костючук 2021b].

9. Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря: Принципы, инструкции, источники. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 175 с.

10. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря: метод, пособие для диалектол. практики. Л.: б. и., 1961. 22 с.

11. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» / публикация и примечания С. С. Волкова // Вопросы теории и истории языка: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 5–9.

12. Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 684 с.

13. Ларин Б. А. Филологическое наследие: сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 952 с.

14. Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 218 с.

15. Мокиенко В. М. Борис Александрович Ларин: свободная стихия разговорной речи // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 3. С. 903–916. <https://doi.org/10.15826/qv.2019.3.414>.

16. Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари). Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 231 с.

17. Попова (Горбунова) Н. В. Воспоминания // Севернорусские говоры. Вып. 11 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 157–163.

18. Русско-французский словарь / сост. Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, М. Ф. Дусс; под общ. рук. и ред. Л. В. Щербы. М.: Советская энциклопедия, 1936. 791 с. [Щерба, Матусевич 1936].

19. Судаков Г. В. От «Парижского словаря москвитов» до «Словаря обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (эволюция ларинской концепции исторического словаря русского языка) // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2015. № 6(67). С. 94–99.

20. Хольгер Б. Г. В. Лудольф (1655–1712) – гражданин мира из Эрфурта // *Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ*. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 г. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 881–886.

21. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // *Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность*. М.: Наука, 1974. С. 265–304.

22. *Lexicon slavo-ruthenicum, edycja i wstęp* Adam Fałowski. Kraków: Scriptum, 2013. 773 s. (*Studia Ruthenica Cracoviensia*, 7) [Lexicon 2013].

23. *Sparwenfeld J. G. Lexicon Slavonicum*. V. I–IV, Index / ed. U. Birgegård. Uppsala-Stokholm: Almqvist & Wiksell International, 1987–1992.

24. Stone G. C. (ed.). *A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue*, Attributed to Mark Ridley / edited from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introduction by Gerald Stone. Köln etc.: Böhlau, 1996. 518 с.

25. *Unbegaun B. O.* (ed.). *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica Oxonii A. D. MDCXCVI*. Oxford: Clarendon, 1959. 97 с.

REFERENCES

1. Astakhina L. Yu. Old Russian handwritten card file of 11th–17th centuries. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*. 1996;4:112–119. (In Russ.)

2. Astakhina L. Yu. Sources on the historical lexicology of the Russian language. Voronezh: Science-Yunipress, 2021. 492 p. (In Russ.)

3. Berezin F. M. Boris Aleksandrovich Larin. *Otechestvennye lingvisty XX veka: sb. statey. Ch. 1 (A–L)*. Orv. red. Berezin F. M. = *Domestic linguists of the 20th century: collection of articles. Part 1 (A–L)*. Ed. by F. M. Berezin. Moscow: ISSS RAS, 2002. P. 224–245. (In Russ.)

4. Birgegord U. Russian lexicography in Sweden. *Slavyanskaya leksikografiya: mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya*. Orv. red. M. I. Chernysheva = *Slavic lexicography: international collective monograph*. Ed. by M. I. Chernysheva. Moscow: Publishing centre Azbukovnik, 2013. P. 667–676. (In Russ.)

5. Vasilyeva O. V., Generalova E. V. Dictionary of colloquial Russian language of Moscow Russia of the 16th–17th centuries: realization of B. A. Larin's principles at the present stage of the lexicography. *Materialy metazykovogo seminaru ILI RAN*. 2014. Orv. red. S. S. Volkov, E. M. Matveev = *Proceedings of the Metalanguage Seminar of the Institute of Linguistic Research RAS*. Ed. by S. S. Volkov, E. M. Matveev. 2014. Saint-Petersburg: Gelikon-Plus, 2015. P. 124–139. (In Russ.)

6. Epimakhova A. S., Polikarpov A. M. Historical development of the Pomor North lexicography: a comparative analysis of the three translation dictionaries. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya Filologiya, pedagogika, psikhologiya = Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy and Psychology*. 2018;4:5–19. (In Russ.)

7. Kostiuchuk L. Ya. "Pskov Regional Dictionary with historical data" in terms of traditions and innovations in lexicography. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2021;3:54–59 [Kostiuchuk 2021a]. (In Russ.)

8. Kostiuchuk L. Ya. 60th anniversary of the interdepartmental lexicography unit named after Boris A. Larin (value of these years in academic activities of the Pskov department). *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Social'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the Pskov State University. Series: social sciences and humanities*. 2021;12:84–91 [Kostiuchuk 2021b]. (In Russ.)

9. Larin B. A. Old Russian dictionary project: principles, instructions, sources. Moscow, Leningrad: Publishing House of Academy of Sciences USSR, 1936. 175 p. (In Russ.)

10. *Larin B. A.* Instructions of the Pskov regional dictionary. Leningrad: Publishing House of LSU, 1961. 22 p. (In Russ.)
11. *Larin B. A.* Notes on the Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus': publication and notes by S. S. Volkov. *Voprosy teorii i istorii yazyka: sb. statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. A. Larina* = *Questions of the theory and history of language: collection of articles on the 100th anniversary of the birth of B. A. Larin*. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1993. P. 5–9. (In Russ.)
12. *Larin B. A.* Three foreign sources on the colloquial speech of Moscovite Rus' of the 16th–17th centuries. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2002. 686 p. (In Russ.)
13. *Larin B. A.* Philological heritage: collection of articles. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. 952 p. (In Russ.)
14. *Mzhel'skaya O. S.* Vocabulary of the everyday colloquial language of Moscow Rus' in the 16th–17th centuries (according to foreign guides for learning the Russian language). Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. 220 p. (In Russ.)
15. *Nikitin O. V.* Essays on the history of Russian lexicography in the first half of the 20th century (explanatory dictionaries). Slavyansk-na-Kubani: Publishing House of KubSU, 2012. 231 p. (In Russ.)
16. *Sudakov G. V.* From "Paris dictionary of Moscovites" to "Dictionary of colloquial Russian language of the Moscow Russia of the XV–XVII centuries" (Evolution of Larin's concept of historical dictionary of the Russian language). *Vestnik Cherepovetsko-gosudarstvennogo universiteta* = *Cherepovets State University Bulletin*. 2015;6:94–99. (In Russ.)
17. *Baumann H. H. W. Ludolf* (1655–1712), A citizen of the world from Erfurt. *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: materialy XIV Kongressa MAPRYaL. Nur-Sultan, Kazakhstan, 29 aprelya – 03 maya 2019* = *Russian Word in a Multilingual World: Proceedings of the XIV Congress MAPRYaL. Nur-Sultan, Kazakhstan, April 29 – May 03, 2019*. Saint-Petersburg: MAPTRYaL, 2019. P. 881–886. (In Russ.)
18. *Shcherba L. V.* Experience of the general theory of lexicography. *L. V. Shcherba. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* = *Language system and speech activity*. Moscow: Science, 1974. P. 265–304. (In Russ.)
19. Lexicon slavo-ruthenicum, edycja i wstep Adam Fałowski. Kraków: Scriptum, 2013. 773 s. (Studia Ruthenica Cracoviensia, 7) [Lexicon 2013]. (In Polish.)
20. *Sparwenfeld J. G.* Lexicon Slavonicum. V. I–IV, Index / Ed. U. Birgegård. Uppsala-Stokholm: Almqvist & Wiksell International, 1987–1992. (In Engl.)
21. *Stone G. C.* A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue, Attributed to Mark Ridley / Edited from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introduction. Köln etc.: Böhlau, 1996. 518 c. (In Engl.)
22. *Unbegaun B. O.* (ed.). Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica Oxonii A. D. MDCXCVI. Oxford: Clarendon, 1959. 97 c. (In Engl.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

Oleg V. Nikitin, Doctor of Sciences, Professor

Статья поступила в редакцию 10.11.2022; одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 20.11.2022.

The article was submitted 10.11.2022; approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 20.11.2022.